

Евгений НЕКРАСОВ

Литературный переводчик по определению — герой второго плана. Чем ближе перевод к идеалу, тем меньше заметно, что книга вообще переведена, а не написана сразу на данном языке. Похвалы достаются автору, а если хвалить не за что, возникает законное сомнение: мы же не знаем, что там было в оригинале, так, может быть, переводчик не справился со своей задачей?

На днях исполнится 75 лет Расулу Гамзатову. Мы знаем его стихи такими, какими увидели и донесли их до нас переводчики, и среди них — поэт Яков Козловский, блестящий знаток Дагестана. Их творческий альянс возник еще в годы студенчества. В нашем с Яковом Абрамовичем разговоре вдруг выяснилась любопытная подробность: все переводы Гамзатова он делал, не заключая договоров с издательствами, на свой страх и риск. «Хороший перевод опубликуют и без договора, а о плохом нечего и жалеть», — объяснил он свою позицию. — Тут же идет разговор об отношении к автору, о любви, а не о чем другом».

Яков Козловский:

*Век. Москва. — 1998 —
3 сент. — с. 12.*

...И Сталин решил не обижать Расула

— Яков Абрамович, говорят, что Расула Гамзатова придумали переводчики.

— Все это ерунда. Поэзия Гамзатова тем и интересна, что, о чем бы он ни писал, в ней всегда присутствует дух Дагестана. Переводчики тут ничего не могут придумать.

— Но, насколько мне известно, в оригинале у Гамзатова нет рифм.

— Это не имеет значения. В горской поэзии и в русской силлабика стихов разная. У него нет рифм, но есть аллитерация. Например, начинается строка с буквы А и кончается буквой А, переходит в следующую, и это переплетение идет через все стихотворение. Русское ухо его не улавливает, а горцы улавливают... Я вам расскажу секрет моего дела. Нужно, во-первых, сохранить достоверность, чтобы вы читали мой перевод и верили, что именно так написано у автора. Во-вторых, стихи не должны вонять «переводизмом», а то вот переводят среднеазиатские стихи — как будто арба тянется в горы. А нужно, чтобы переведенное стихотворение читалось, как русское. «Поздно ночью из похода возвратился воевода» — это же Мицкевич, а в пушкинском переводе звучит совершенно по-русски... Нет, Гамзатов — поэт самобытный, весь от Бога. Мысли, чувства и образы у него удивительные, яркие. Он вообще очень интересный человек, находчивый и отчаянный.

— Отчаянный?!

— Я вчера перечитывал свои дневники и нашел один эпизод.

Яков Козловский

Были мы в Группе советских войск в Германии: Гамзатов — тогда член Президиума Верховного Совета, Ян Френкель и Яков Смоленский, замечательный чтец. Я почти не пью, Ян Френкель имел привычку налить большой фужер, выпить — и все. Смоленский тоже бражничеством не увлекается. Но в каждой воинской части нам устраивали большое застолье — им самим хотелось погулять, они устали. И вот сопровождавший нас капитан мне говорит: «Боюсь я: вы гуляете, а шифровки-то идут!». Я пересказал этот разговор Расулу. Говорю, кончать надо это дело, мы же людей подводим. Ночью мы приезжаем в штаб какой-то дивизии, и Гамзатов подходит к дежурному офицеру: «Немедленно

соединить меня с Брежневым!». У того глаза на лоб. Листает какой-то журнал с телефонами, а Гамзатов: «Отойдите, я сам наберу». И набрал, я слышу гудки. Он говорит: «Все спят, только я один работаю!» — и удаляется. Выходим из штаба, я бросаюсь к нему: «Ты с ума сошел?! Это же телефон правительственной связи!». «Конечно, — говорит Расул. — Кто бы мне поверил, если бы я стал звонить по обычному? А так завтра они будут знать, что я звонил Брежневу, и прекратят посылать свои шифровки».

— А как он получил Сталинскую премию?

— В 49-м году на Сталинскую премию был выдвинут его отец Гамзат Цадаса за поэму «Сказание о чабане». Фадеев, возглавлявший Комитет по Сталинским премиям, пришла в голову блаженная мысль одновременно представить к лауреатству и Расула Гамзатова за книгу стихов «Год моего рождения». Фадеев предложил, что Сталину понравится идея о единстве поколений — «отцы и дети» в советском духе. Но Сталин вульгарностей не терпел. И потому изрек: «Дадим премию отцу, а сын еще успеет заслужить». Минув год. Снова выдвинули соискателей на самую престижную премию. Среди них Гамзатова не было. Но когда Комитет по премиям заканчивал работу, Сталин спросил: «Товарищ Фадеев, а что нового написал тот молодой поэт из Дагестана, которому мы в прошлый раз отказали в премии?». Фадеев растерялся: «Кажется, ничего существенного». «Наверно, он очень обиделся

на Советскую власть, — сказал Сталин. — Надо дать ему премию, чтобы он о нас не думал плохо».

— А вам приходилось встречаться с Гамзатом Цадасой?

— Да. Я его тоже переводил, еще будучи студентом Литературного института. Он был истинным мусульманином. Высокообразованным арабистом, хотя по-русски плохо говорил. В дом к ним заходил каждый, кто знал аварский язык; была специальная комната, где останавливались гости, — кунакская. Расул однажды сказал ему: «Пожалей мать, она же день и ночь стоит у плиты, потому что у нас всегда двери открыты, всегда гости». А отец ему: «Что у тебя на полках стоит?» — «Книжки», — говорит Расул. «Вот, книги — это твоя библиотека, а люди — моя библиотека»...

— Вообще-то он баловень судьбы. Сын народного поэта Дагестана, Сталинскую премию получил совсем молодым человеком.

— И да, и нет. О нем с большим уважением писали Твардовский, Маршак, Чуковский, Исаковский, Светлов. Но вокруг всякого человека, который неортодоксален и талантлив, немало завистников и клеветников. Какие только бочки на него не катили! Он же всегда держался независимо... Вот хоронят Твардовского. Гроб стоит в ЦДЛ. Василий Филимонович Шауро, который возглавлял отдел культуры ЦК КПСС, просит Гамзатова выступить. Тот согласился, и тогда Василий Филимонович говорит: «Расул Гамзатович, здесь много корреспондентов. Молю

Расул Гамзатов со своими переводчиками Наумом Гребневым (слева) и Яковом Козловским

вас, когда будете выступать, немножечко подумайте и о государстве». Гамзатов банальностей говорить не мог. Поэтому он спускается в буфет и скоро оказывается «неоратороспособным»... Кстати, я вот еще что заметил: другие со Звездой Героя ходят в рестораны, на футбол и чуть ли не в баню. Гамзатов ее носит в редчайших случаях. Был юбилей Шамиля в Колонном зале — он надел.

— Это какая-то пародия: на юбилей врага империи.

— Нет-нет, Расул это сделал без задней мысли. С Шамилем не все так просто. После того как его пленил фельдмаршал Барятинский, он искренне принял российское подданство. Когда он приехал в Чугуев, где Александр Второй принимал военный парад, и царю доложили, что прибыл Шамиль, тот приказал подать ему лошадь, и они оба — стремя в стремя — принимали парад. Шамиль был очарован приемом, который ему был оказан. Русские генералы дарили ему сабли; есть его изумительная переписка с Барятинским. Вот как было дело!

— Яков Абрамович, вы ведь и сами интересный поэт. У вас нет чувства, что вы вложили свой талант в чужую славу?

— Нет. Я никогда не думал о его славе. Я вообще считаю, что поэты славой не меряются. Грибоедов написал одну пьесу и остался в литературе, а Софронов написал множество и никогда не останется. Конечно, одним достается больше, другим меньше. В прежние времена тоже было так. Вы думаете, не баловали Крылова? Баловали. Дали деньги на издание книжки, а он проиграл их в карты, и Николай Первый сказал: «Не жалко денег, жаль, что в карты играет»... А уж какие отношения с царем были у Пушкина, как они отзывались друг о друге — оба, в один голос: «Я говорил с самым умным человеком в России»...

— Боюсь, что сегодня ни один правитель не скажет такое ни об одном поэте. И наоборот.

— Потому что у нас же ценят поэтов порою не за стихи. Иные из них играли с властью, строили свою карьеру. А Гамзатов сам был властью, как посланник небес.